

*Татьяна Владимировна КРАСНОВА —
доцент кафедры гражданского права и процесса,
кандидат юридических наук*

УДК 347.611.1 (470+571)

СУБЪЕКТЫ СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья посвящена одной из центральных проблем науки семейного права — определению субъектного состава семейных правоотношений. Выводы автора могут быть использованы при исследовании вопроса о самостоятельности отрасли семейного права.

This article is devoted to one of the central problems of science of family law — a definition of family relations' subjects. The results of author can be used to research the point of independence in family law field.

В начале XX века в нашей стране фактически впервые в мировой истории была сформирована самостоятельная отрасль семейного законодательства. Продолжая традицию, Семейный кодекс Российской Федерации 1995 года (далее — СК РФ) был принят и введен в действие как кодифицированный нормативный акт федерального уровня, содержащий в себе комплексное правовое регулирование отношений между членами семьи [1].

К настоящему моменту в теории права не сложился единый подход к определению понятий «семья», «член семьи». Есть мнения, что соответствующие определения в принципе не могут быть сформулированы по причине сложности и многоаспектности такого социального явления, как семья [2]. Отмеченное является одной из причин отсутствия в законодательстве этих определений, а также четких критериев, позволяющих квалифицировать некоторых субъектов права в качестве участников семейного правоотношения. Бесспорно, что в различных отраслях законодательства — семейного, гражданского, трудового и т.д. — круг членов семьи различен [3]. Однако сложно согласиться с тем, что включение в СК РФ определения семьи и установление исчерпывающего перечня членов семьи могло бы привести к нарушению их прав либо необоснованному расширению круга членов семьи [3], при условии, что включение таких положений в СК РФ было бы обусловлено исключительно целями семейного законодательства. Есть основания полагать, что выявление и нормативное закрепление указанных границ внесет большую определенность в правовое регулирование семейных отношений, разрешит многие противоречия в правоприменительной практике. В рамках настоящей статьи не представляется возможным выявить все правовые свойства, характеризующие определенную группу лиц в качестве членов семьи, между тем выводы автора, касающиеся определения круга возможных субъектов семейных правоотношений, могут быть положены в основу соответствующего исследования.

Субъекты семейных правоотношений — это лица, у которых имеются семейные права и обязанности по отношению друг к другу [4]. Стержнем определения субъектов семейных правоотношений является ст. 2 СК РФ, в соответствии с которой членами семьи являются супруги, родители и дети (усыновители и усыновленные), а в предусмотренных законом случаях — другие родственники и иные лица. Таким образом, супруги, родители и дети (усыновители и усыновленные) безусловно относятся к членам семьи. Споры возникают при толковании неконкретизированных формулировок «другие родственники» и «иные лица».

В теории семейного права традиционно в качестве специфических оснований возникновения семейного правоотношения выделяют: брак, родство, принятие детей на воспитание [5]. Логично предположить, что указанными «границами» должна быть очерчена область поиска решения поставленной задачи.

Родство (кровная связь лиц, основанная на происхождении друг от друга или от общего предка [6]), удостоверенное в предусмотренном законом порядке, порождает возникновение прав и обязанностей не только между родителями и детьми, но и между такими лицами как: дедушки (бабушки) и внуки (ст. 67, 94, 95 СК РФ); братья и сестры, причем в отсутствие специального указания закона можно предположить, что это могут быть как полнородные, так и неполнородные братья и сестры (ст. 67, 93 СК РФ), что косвенно подтверждается содержанием ст. 14 СК РФ; другими родственниками, в том числе «близкими» родственниками (ст. 55, 67 СК РФ). Понятие «родственники» является широким по содержанию и включает в себя всех лиц, между которыми существует кровная связь, вне зависимости от числа рождений, связывающих их между собой (степени родства), а также линий родства (прямой или боковой). В отношении несовершеннолетних закон закрепляет право на общение со всеми подпадающими под данную характеристику лицами (ст. 55 СК РФ). В свою очередь указанные лица имеют право на общение с ребенком (ст. 67 СК РФ). Между тем возможность защиты этого права путем обращения в орган опеки и попечительства или суд в случаях, когда родители несовершеннолетнего (один из них) препятствуют общению с ребенком, предоставлена только близким родственникам (п.п. 2 и 3 ст. 67 СК РФ). В этой связи в правоприменительной практике иногда возникает проблема квалификации лица в качестве «близкого» родственника ребенка. Ученые без сомнения относят к таковым, помимо родителей и детей, также дедушек, бабушек и внуков, братьев и сестер [7]. Думается, что данный вывод подтверждается абз. 3 ст. 14 СК РФ, где близкое родство фигурирует среди обстоятельств, препятствующих заключению брака, и соответствующим образом трактуется.

Принятие детей на воспитание влечет возникновение семейных правоотношений между усыновителями и усыновленными (ст. 137 СК РФ), опекунами (попечителями) и детьми, находящимися под их опекой (попечительством) (ст. 148, 150 СК РФ), приемными родителями и детьми, передаваемыми на воспитание в приемную семью (ст. 153, 154 СК РФ). Необходимо отметить, что отношения усыновления вовлекают в сферу семейных правоотношений и таких субъектов как родственники усыновителей и потомство усыновленных (ст. 137 СК РФ).

Дискуссионным является вопрос об участии в семейном правоотношении администрации учреждений, на воспитание в которые переданы дети, утратившие родительское попечение (ст. 147 СК РФ), а также органов опеки и попечительства, исполняющих обязанности опекуна (попечителя) до устройства детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в семью или в учреждения (ст. 123 СК РФ). Как отмечает А. М. Нечаева, введение в СК РФ раздела VI «Формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей», где предусмотрены конкретные права и обязанности органов опеки и попечительства по выявлению и учету таких детей, наводит на мысль, что государственные органы относятся к числу субъектов семейных правоотношений в определенных законом случаях [4]. В этом вопросе мы разделяем позицию О.С. Иоффе, который утверждал, что «субъектом семейных правоотношений, в каких бы разновидностях они ни выступали, могут быть только граждане» [8]. Администрации учреждений и органы опеки и попечительства исполняют обязанности опекуна (попечителя) временно (п. 2 ст. 123 СК РФ) или до достижения ребенком совершеннолетия

(п. 1 ст. 147 СК РФ), не являясь при этом собственно опекуном (попечителем). Полагаем, что возникающие в этих случаях правоотношения относятся к виду административных.

Учитывая, что законами субъектов Российской Федерации могут быть предусмотрены иные формы устройства детей на воспитание в семью, в числе субъектов семейного правоотношения необходимо выделять и лиц, осуществляющих воспитание детей, оставшихся без попечения родителей, в соответствии с законами субъектов Российской Федерации. В настоящее время получил широкое распространение институт патроната. Так, например, согласно ст. 27 Закона Тюменской области от 27 апреля 1998 г. «О защите прав ребенка» [9] субъектами семейного правоотношения являются патронатные воспитатели и дети, передаваемые на патронатное воспитание. Таким образом, спорным представляется мнение о том, что в СК РФ установлен исчерпывающий перечень участников семейных правоотношений [10].

Семейное правоотношение может возникнуть не только при юридическом оформлении отношений по воспитанию ребенка, но и вследствие фактического воспитания и содержания несовершеннолетних. Так, в ст. 96 СК РФ в качестве возможных субъектов семейного правоотношения предусмотрены бывшие воспитанники и их бывшие фактические воспитатели. Подчеркнем, что согласно ст. 96 СК РФ указанные лица будут признаваться членами семьи после прекращения отношений фактического воспитания, но не в период его осуществления. В этом случае ресурса такого юридического факта, как «принятие ребенка на воспитание», недостаточно для возникновения семейного правоотношения, что свидетельствует о необходимости расширения классического перечня оснований возникновения семейных правоотношений.

К юридическим фактам, порождающим семейное правоотношение, некоторые ученые обоснованно относят свойство [11]. Возможно, позиция ученых, не выделяющих свойство в ряду анализируемых юридических фактов, основана на производности отношений свойства от наличия зарегистрированного брака и родства, которые связывают супруга и родственников другого супруга, а также родственников супругов между собой. В настоящее время свойство влечет возникновение только правоотношений по уплате алиментов, в котором пасынок (падчерица) является лицом, обязанным уплачивать алименты отчиму (мачехе) (ст. 97 СК РФ).

Опекуны (попечители) несовершеннолетних и их подопечные, приемные родители и дети, передаваемые в приемную семью, лица, принявшие в свою семью детей в соответствии с законодательством субъектов Российской Федерации, и дети, передаваемые в такую семью, фактические воспитатели и их воспитанники, отчим (мачеха) и пасынки (падчерицы) — все эти лица являются членами семьи, несмотря на отсутствие прямого указания в ст. 2 СК РФ, поскольку относятся к категории «иные лица», правовое регулирование отношений между которыми осуществляется в пределах, установленных семейным законодательством.

Очевидно, что содержательный объем понятия «иные лица» не исчерпывается представленным перечнем. О. Ю. Косова справедливо включает в предмет семейного права также отношения между бывшими членами одной семьи, называя в их числе бывших супругов, бывших усыновителей и усыновленных, бывших фактических воспитателей и их воспитанников [10]. Не вызывает сомнений тот факт, что бывшие супруги могут быть участниками алиментного правоотношения (глава 14 СК РФ). Остановимся на проблеме признания этих лиц субъектами семейного права в отношениях по поводу имущества, нажитого ими совместно в период брака. При определении порядка владения, пользования и распо-

ржения бывшими супругами указанным имуществом правоприменители зачастую руководствуются ст. 35 СК РФ. Так, например, Решением Йошкар-Олинского городского суда было удовлетворено требование гражданки С. о признании недействительным договора купли-продажи торгового павильона, приобретенного в период брака и проданного ее бывшим супругом без наличия на то ее нотариально удостоверенного согласия. Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации судебные постановления по данному делу были отменены в связи с неправильным применением норм материального права, при этом даны следующие разъяснения: «Нормы статьи 35 СК РФ распространяются на правоотношения, возникшие между супругами, и не регулируют отношения, возникшие между иными участниками гражданского оборота. К указанным правоотношениям должна применяться статья 2253 ГК РФ, согласно пункту 3 которой каждый из участников совместной собственности вправе совершать сделки по распоряжению общим имуществом, если иное не вытекает из соглашения всех участников» [12]. В теории в поддержку указанной позиции отмечается, что СК РФ «разграничивает супругов и бывших супругов», и «после расторжения брака правовой режим совместной собственности не может определяться ст. 35 СК РФ, которая рассчитана именно на супругов, но не на бывших супругов» [13]. Тем самым анализируемые отношения бывших супругов исключаются из сферы, регулируемой семейным законодательством. Полагаем, что данное утверждение верно, если исходить из буквального толкования ст. 35 СК РФ и упоминания ст. 2 СК РФ о законодательном установлении пределов правового регулирования отношений «иных лиц», относящихся к членам семьи. Однако в этом случае не представляется логичным игнорирование буквального толкования иных норм гл. 7 СК РФ: почему при разделе совместно нажитого имущества в судебном порядке после расторжения брака применяются правила ст. 38, 39 СК РФ, ведь они также рассчитаны только на супругов, а не на бывших супругов? Возможность применения этих правил не ставится под сомнение ни в науке, ни на практике.

Изложенные размышления позволяют нам предположить, что семейные правоотношения возникают не только вследствие наличия брака, родства, свойства, принятия детей на воспитание, но и в тех случаях, когда данные факты имели место в прошлом. Как уже было отмечено, принятие ребенка на воспитание «в прошлом» связывает фактического воспитателя и фактического воспитанника, наличие «в прошлом» брака — бывших супругов. Возникновение алиментной обязанности пасынка (падчерицы) может произойти и после того, как прекратились отношения свойства (в частности, в случае расторжения брака между отцом (матерью) ребенка и его мачехой (отчимом)). Полагаем, что «в прошлом» может существовать и родство, несмотря на некоторую неочевидность этого вывода. Кровная связь людей приобретает значение юридического факта только при условии его регистрации. Регистрация отцовства (материнства) позволяет констатировать наличие родства, даже в том случае, когда у лиц отсутствует кровная связь и им известно об этом (например, при записи супруга матери ребенка в качестве отца на основании презумпции ребенка (п. 2 ст. 48 СК РФ) или в случае добровольного установления отцовства (п. 3 ст. 48 СК РФ), при записи суррогатной матери в качестве матери ребенка (ст. 52 СК РФ) и т.д.). Тем самым именно регистрация, а не фактическое наличие родства приводит к возникновению правовых последствий. Следовательно, родство может «прекратиться», в частности, в результате оспаривания отцовства (материнства) (ст. 52 СК РФ), вследствие которого соответствующая регистрационная запись аннулирует-

ся. Понимая право как «мир проекций» явлений, существующих в объективной действительности, мы считаем, что родство, попадая в правовое поле, приобретает отличные от привычных правовые свойства, в том числе способность к прекращению.

Действующее семейное законодательство безразлично к существованию родства в прошлом. Так, лицо, надлежащим образом осуществляющее воспитание и содержание ребенка, будучи зарегистрированным длительный период времени (возможно, вплоть до совершеннолетия ребенка) в качестве его отца, после оспаривания отцовства не может быть признано фактическим воспитателем, и не имеет права на получение содержания от ребенка в соответствии со ст. 96 СК РФ. Поскольку основным критерием определения лица в качестве фактического воспитателя является то, что у таких лиц нет никаких юридических обязанностей по отношению к воспитанникам. Принятие ребенка на воспитание с содержанием потому и называется фактическим, что лицо, осуществляющее его, «добровольно возлагает на себя функции воспитания и содержания ребенка, не будучи обязанным к этому по закону» [10]. При этом отсутствие зарегистрированного отцовства не позволит бывшему отцу прибегнуть к взысканию содержания на основании ст. 87 СК РФ. Думается, что в подобных случаях «бывшие родители» нуждаются в правовой защите. Признание наличия родства в прошлом в качестве основания возникновения семейных правоотношений может лечь в основу изменений действующей редакции ст. 87 СК РФ (условия таких изменений требуют отдельного детального обсуждения).

При анализе субъектного состава семейного правоотношения ученые, как правило, не упоминают о суррогатной матери. С нашей точки зрения, это справедливо и обусловлено гражданско-правовой природой договора о заменяющем материнстве, конструкция которого может быть основана на положениях ст. 779 ГК РФ.

В теории ведутся дискуссии относительно необходимости правового регулирования отношений «внебрачного сожительства» [10]. В настоящее время, говоря словами А.Н. Нечаевой, «назрела проблема признания правового статуса таких браков, которые должны влечь за собой определенные правовые последствия в виде предоставления фактическим супругам установленных прав и обязанностей» [4]. При проведении Всероссийской переписи 2002 г. впервые был предусмотрен отдельный учет лиц, состоящих в зарегистрированном браке и незарегистрированном брачном союзе. Из общего числа супружеских пар 3 миллиона (10%) состояли в незарегистрированном браке [14]. Бесспорно, что признание соответствующих отношений правом не вступает в противоречие с современными суждениями о морали [14]. Более того, по мнению А.С. Лалетиной, «наличие в законодательстве правового института, являющегося, по сути, промежуточным вариантом между полноценным браком и жизнью вне семьи создаст предпосылки для постепенного вовлечения молодежи в семейные отношения» [15]. Вместе с тем, учитывая политико-правовой аспект, мы являемся сторонниками ограничения области законодательного регулирования имущественными отношениями указанных лиц, что, в свою очередь, вызвано объективными потребностями общества. Внедрение в нормативную сферу положений об отношениях фактических супругов не должно допускать снижения степени значимости института зарегистрированного брака или создавать какие-либо препятствия для заключения последнего. Учитывая предполагаемые тенденции развития семейного законодательства, не исключаем перспективы появления фактических супругов в ряду субъектов семейных правоотношений.

Таким образом, анализ возможного круга субъектов семейных правоотношений, позволил сделать ряд выводов, наиболее значимыми из которых являют-

ся следующие: состав указанных субъектов не исчерпывается лицами, названными в СК РФ; традиционный перечень специфических юридических фактов, влекущих возникновение семейного правоотношения, должен быть дополнен с учетом наличия соответствующих обстоятельств в прошлом; тенденции развития семейного законодательства свидетельствуют о возможности появления среди участников семейных правоотношений фактических супругов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рекомендации парламентских слушаний на тему «К десятилетию принятия Семейного кодекса Российской Федерации — практика применения: достижения и проблемы». М., 5 декабря 2005 г. С. 1.
2. Антокольская М. В. Семейное право. Учебник. М.: Юристъ, 2004. С. 8-9.
3. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. И. М. Кузнецова. М.: Юристъ, 2002. С.28.
4. Нечаева А. М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт-Издат, 2007. С. 26.
5. Матвеев Г. К. Советское семейное право. М.: Юридическая литература, 1985. С. 35.
6. Рясенцев В. А. Семейное право. М.: Юридическая литература, 1967. С. 50.
7. Невзгодина Е. Л., Темникова Н. А. Семейное право Российской Федерации: Учебно-методический комплекс. Омск: ОмГУ, 2005. С. 128.
8. Иоффе О. С. Советское гражданское право. Л., 1965. Т. 3. С. 194.
9. Вестник Тюменской областной Думы. 1998. № 5.
10. Косова О. Ю. Семейное и наследственное право России: Учебное пособие. М.: Статут, 2001. С. 50.
11. Воронина З. И. Семейное право: Учебно-методический комплекс. Тюмень: Изд-во ТюмГУ. 2003. С. 15.
12. Определение Судебной Коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14 января 2005 г. № 12-В04-8 // СПС «Гарант» (официально текст Определения опубликован не был).
13. Ходырев П. М. Правовой режим общей собственности бывших супругов // Семья и право (к 10-летию принятия Семейного кодекса Российской Федерации). М., 2005. С. 213.
14. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. М., 2003. С. 11.
15. Лалетина А. С. Сравнительно-правовое исследование договорного регулирования имущественных отношений супругов в праве РФ и Франции: Автореф. дис. — канд. юрид. наук. М., 2004. С. 4.

Владимир Борисович КУРКИН —
аспирант кафедры
гражданского права и процесса

УДК 347.736.3

ПРИЧИНЫ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

АННОТАЦИЯ. Статья написана на основе ряда юридических дел из практики арбитражного суда Тюменской области. Такое позволило выявить автору причины ухудшения платежеспособности хозяйствующих субъектов и возможности снижения их негативного воздействия на предпринимательскую деятельность, в частности, посредством ее правового регулирования.